

Военное детство

Я рос в керосиновом свете: Коптящий пузырь – на избу. В деревне хозяйничал ветер...

В грустный час

Ночь. Над Волгой и дождь, и туман. Мрачно хмурятся облака. Но ушла к горизонту тьма –

Вспоминаю...

Когда гляжу на грустные осины – Их жизнь сродни тревогам, может быть, –

Как будто ветви молнией упавшей, Ей известь сердце обожгло

«Сын вац, без вести пропавший...» Остался фотографии кружок.

Она всю жизнь не может позabyть. Как будто ветви молнией упавшей, Ей известь сердце обожгло

Варила суп со шавелью, с крапивой, Да бледную картошку голышом

Слезами жгуче-горькими кропила – на несолёной выступала соль...

Всё пережилось, всё перестрадалось. И жизнь пошла спокойно, хорошо.

Он знает даёт, когда придут соседки И начинают вспоминать войну,

И потому неустрашимой силой Я, внук её, за мир иду на бой,

Маме

Как передать большие расстояния Таких дорог? Да есть ли им конец?

Ступая полвека – снова в Партизанском, В Вершино-Рыбном, через дождь и грязь.

Жена, сноха и дочка-медалистка... С такой ватагой я сюда примчал.

Но где же великаны сосны, кедров? Вокруг луга, копейки, чернозём.

Но здесь, я верю, всей земли вершина! Вершино-Рыбное, мой Партизанский край.

Шумят о прошлом мне машины шины, А ну-ка, сын, «Бродягу» заведи!

Десять лет шагал я по тропинке В школьный дом с портфелем, по селу.

Что приехал я лихим матросом, Иль боксёр: дам – так сразу с ног,

А уроки шли и шли степенно: Сочиненья, алгебра и Deutsch.

Первая любовь, она и ныне Веет нежной пушкинской строкой...

И конец. Хоть выпускной до рани – Всё мелко было в пять минут:

Да, друзья, я вновь смотрю на фото, Многих не увижу никогда:

Но, хотя нас потрепало жизнью И погасили многие лучи,

Десять лет ходил я по тропинке В светлый дом, с портфелем по селу,

«Инженером стал!» – пронёсся слух.

Ах, как пахнут лебеда и мята! Не унять кружение головы.

Вновь весна царит под небом синим, И душа величие поёт

Всем поклон земной и славословье. Как не видеть этой красоты?

Синева – от края и до края! Без неё – не надо ничего.

Ты, весна! и ты, земля родная – Вот истоки слова моего!

Хомутовская степь Слово волной, разливом трав играя,

Душа вскипает радостным восторгом И в восхищенье замирает взор,

Вспорхнёт с тропы пугливая овсянка И голосочком тронет небеса.

Горячий воздух пахнет рыжей глиной, Полнонью и предчувствием дождя.

Тут современность скрещена с былинной, Гул самолётов – с ржаным лошадей.

Четверо

У парней в общезнании весело, Потому что носы не вешают.

За команду свою по хоккею. У парней над кроватями чистыми

Белолоция краля, А зовут её Валя,

С алой розой улыбки И крылами бровей.

Ах, разлучницы вы, девочки! Не навяженье мне, а наслажденье –

Вместаи в себе все звуки, запахи, цвет, Душа сама их все, без принуждения,

И дышит мир, как степь перед грозой, Пленяя душу девственной красотой...

Святогорские терцины Уходит день за меловые горы,

Базовым жаром светит неба край. Но дотемна не молкнут птичьи хоры.

Гроза прошла. Но гром предупреждает, Что дождь ещё возможен.

А я молчу. Я мыслю: сколько лет Промчалось здесь на половецких конях!

А веку течёт, как речка, сквозь меня... Обнимемся, братья...

Мы любим мелодии кобз многострунных. Мы хлещем сивуху, как Зевс в «Энеиде».

На ней – вся страна оказалась распята. Разрушенных сёл и курганов могилы

Зияют, как будто чума тут ходила. Донецк и Чернигов поникли в печали.

И лишь тополя, словно духа гаранты, Стоят над дорогами, будто апланты.

И ветер в их кронах-банурах рокочет, Как будто сказать нам по-доброму хочет:

Но любовью моей. Повстречались на юге, Там, где пенные выюги

Сколько лет пролетело, Сколько птиц улетело

То на юг, то на север – Их прекрасен полёт.

Только Юра и Валя Путь любви потеряли...

И лишь дальняя скрипка Их песню поёт.

Жена – от Бога! Ангел мой-хранитель.

И чудотворица, и Божество Связуют прочно наши

Всё остальное – баловство. Русская баня

Истопили по-чёрному баню, А в улах в ней от пара бело.

«Обнимемся, братья, над вечным простором,

Смотрю вперед. Что думать о погонях? Я очарован роццами, Донцом,

Что между гор несёт туше воды, То серебром сверкая, то свинцом

Под журавлиным вечным небосводом. Мне душу жжёт вопрос, сильней огня:

Неужто нет сквозь эту вечность бродя?.. А век течёт, как речка, сквозь меня...

Обнимемся, братья... Мы дети степей, наше племя большое

Известно добром и широкой душой, Текут мимо Днепр и Донец

Мы любим мелодии кобз многострунных. Мы хлещем сивуху, как Зевс в «Энеиде».

На ней – вся страна оказалась распята. Разрушенных сёл и курганов могилы

Зияют, как будто чума тут ходила. Донецк и Чернигов поникли в печали.

И лишь тополя, словно духа гаранты, Стоят над дорогами, будто апланты.

И ветер в их кронах-банурах рокочет, Как будто сказать нам по-доброму хочет:

Дам на каменку – пару подбавлю – И залезу на подполк.

Гольшии зажужжали, как пчелы. Жалит тело невидимый пар.

И захоаю-ахаю, ёжась, Ах, и больно, и, ох, хорошо!

Пар висит над анисовым телом, Силы вновь возвращает мороз...

В голове шум, как в тысяче кузниц, Сердце молотом быстрым стучит.

Пар висит над анисовым телом, Силы вновь возвращает мороз...

Всё пропаршишь, где вновь зазудело. Окашешься: «Как с гуся вода!»

Ты намочишься... Будто капуста, Тело бело, так и скрипит.

И идёшь, как по лунной дорожке, Став почти что совсем невесом.

Игра Уже не девушка, Ещё не дама

Сидит в автобусе Напротив, прямо, В ворсистый шапочке,

И брови ласточкой Порхают, шельмы. Лдяною влагою

Глаза затянута. А губы ласково Аляют, тянут.

Носком ботинка Коснулся туфли. Она картинно

Губки надула. И отвернулась, Но, боже, тут же

Слегка коснулась Ботинка – туфлей. Я – как не слышу,

Сижку зажмурясь. Она не дышит И – стук – ещё раз.

Но я надменно встал, сошёл – и на свидание к другой пошёл.

70 лет в строю

Юрий ХРОМОВ родился 11 октября 1940 года в Красноярском крае. Большая часть жизни прошла в Нижнем Новгороде.

Парни сороковых

Как мечтал я носить тельняшку, Бескозырку и брюки-клёи!

На пруду на плотах катались И на льдинах в апрельский день...

У меня подкачало зрение, А Валёк был чуть-чуть глухой,

У Валени был рост плохой... Это было Белолоция краля,

Ах, как пахнут лебеда и мята! Не унять кружение головы.

Вновь весна царит под небом синим, И душа величие поёт

Всем поклон земной и славословье. Как не видеть этой красоты?

Синева – от края и до края! Без неё – не надо ничего.

Ты, весна! и ты, земля родная – Вот истоки слова моего!

Хомутовская степь Слово волной, разливом трав играя,

Душа вскипает радостным восторгом И в восхищенье замирает взор,

Вспорхнёт с тропы пугливая овсянка И голосочком тронет небеса.

Горячий воздух пахнет рыжей глиной, Полнонью и предчувствием дождя.

Тут современность скрещена с былинной, Гул самолётов – с ржаным лошадей.

Сколько лет пролетело, Сколько птиц улетело

То на юг, то на север – Их прекрасен полёт.

Только Юра и Валя Путь любви потеряли...

И лишь дальняя скрипка Их песню поёт.

Жена – от Бога! Ангел мой-хранитель.

И чудотворица, и Божество Связуют прочно наши

Всё остальное – баловство. Русская баня

Истопили по-чёрному баню, А в улах в ней от пара бело.

«Обнимемся, братья, над вечным простором,

Смотрю вперед. Что думать о погонях? Я очарован роццами, Донцом,

Что между гор несёт туше воды, То серебром сверкая, то свинцом

Под журавлиным вечным небосводом. Мне душу жжёт вопрос, сильней огня:

Неужто нет сквозь эту вечность бродя?.. А век течёт, как речка, сквозь меня...

Обнимемся, братья... Мы дети степей, наше племя большое

Известно добром и широкой душой, Текут мимо Днепр и Донец

Мы любим мелодии кобз многострунных. Мы хлещем сивуху, как Зевс в «Энеиде».

На ней – вся страна оказалась распята. Разрушенных сёл и курганов могилы

Зияют, как будто чума тут ходила. Донецк и Чернигов поникли в печали.

Станислав ЖУКОВСКИЙ пишет на украинском языке. Председатель Донецкой областной писательской организации СП Украины.

Дикое поле

Вот здесь кода-то, тренируя руку, Себе не дав расслабиться ни дня,

Сын половецкий спал стрелу из лука – И падал всадник с быстрого коня.

От зноя небо растекалось воском, Под каждой травкой кто-то пел и жил.

И, напятавшись разнотравьем, воздух Сильнее браги голову кружил.

А на курганах – видят дальние дабы – Стоят в дозоре каменные бабы.

Ну, а куда девались их мужья? Немой вопрос висит безмолвным криком

Над этим полем, что зовётся Диким. А вечность спит, в себе ответ тая...

Казачья слава Петру Ребру Чумацкий путь таит печаль,

Лишь пыль клубится звёздная, Как будто проскакала вдаль

Казачья сила грозная. До Приазовья от Днепра

За мраком свет охотится. Шумит, открытый всем ветрам

Казацкий остров Хортица. И скрип телег, и звон подков,

И голоса на острове

«Обнимемся, братья, над вечным простором,

Смотрю вперед. Что думать о погонях? Я очарован роццами, Донцом,

Что между гор несёт туше воды, То серебром сверкая, то свинцом

Под журавлиным вечным небосводом. Мне душу жжёт вопрос, сильней огня:

Неужто нет сквозь эту вечность бродя?.. А век течёт, как речка, сквозь меня...

Летят из глубины веков Связь времена развёрстые.

Как мне понять знамений речь: То – явь? галлюцинации?

Вокруг, как брага, бродит Сечь – Святая слава нации!

Её вовеки не стереть – Зря недруги стараются!

Весь космос может умереть, А Сечь в веках останется!

Она во мне волнует кровь, Вселяет дух бесстрашия,

Зовёт к свободе вновь и вновь И – за грехи с нас спрашивает...

Гроза ...А где-то за горами-тучами Сверкали всполохи зарниц,

И небо, с белым днём разлучено, Капило сотни колесниц.

Там ливень бил струей серьёзною – Не отсидишься в шалеи!

И пахло травами да лозами, И было боязно душе.

Сверкали всполохи прощальные, Вода лилась с небес рекой

И становилась обещающим Того, что близится покой.

И дождь затих. Как высшей милостью Нас одарило – синевой...

То ль это было? То ль приснилось мне?..

Как пахнет мокрою травой!

Перевёл Николай Переслов

Анастасия КУАНЫШЕВА родилась в 1985 году. Живёт в Екатеринбурге. Пишет музыку, стихи и прозу.

Закрывайте двери на замки: к вам сюда идут по коридору

запаяйтесь наскоро едой, платками, чернилами, свечами,

напишите ваши имена на страницах памяти и света,

двигайтесь, но тихо, по шагам, чтобы стук ваш превратился в шёпот,

кому ты плела венки? Кому сочиняла стих?

Плывёт над тобой звезда, но не с кем поговорить,

Вагоны, колёса, звук, и рельсы, как две струны,

и поезды мерный стук, и край восковой луны...

Игрушка подкалала тихо и прыгнула прямо в ванну,

висели над тротуаром лишь призраки-динозавры,

и тикали тихо числа, и цифры в улах стояли.

Время, точка, растяженье, белые листья.

Цифры, числа, умноженье, синие мосты.

Ты приходишь, когда я здесь, но навстречу я не иду.

Посвети мне лучом в глаза, я увижу миры твои:

Я узнаю тебя всегда: кожа сияя, чёрный глаз, –

ПОЭЗИЯ